

II.

БИБЛИОГРАФІЯ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

0

«ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ТАКТИКѢ» ЛЕВАЛЯ.

Генераль Леваль, безспорно, принадлежит къ даровитѣйшимъ французскимъ военнымъ писателямъ и его «Положительная тактика» занимаетъ видное мѣсто въ ряду военныхъ сочиненій послѣдняго времени. Имѣя это въ виду, мы предлагаемъ ниже извлеченіе изъ лекцій, прочитанныхъ Левалемъ въ офицерскомъ собраніи въ теченіе настоящаго года. Лекціи напечатаны въ «Journal des sciences militaires» подъ заглавіемъ: «Вступленіе въ положительную тактику» («Introduction à la Tactique positive»).

Если мысли, высказанныя Левалемъ, будутъ приняты и введены методически, а «положительная» тактика войдетъ въ систематическое обученіе, какъ главный предметъ военнаго образованія въ военныхъ училищахъ и академіи, то военное образованіе приметъ направленіе во многомъ отличное отъ прежняго. Дѣйствительно, тактика издавна считается не наукою, а искусствомъ, и слѣдовательно, въ военномъ дѣлѣ и въ особенности въ бою дается много простора увлеченію и военному вдохновенію, причемъ собственно моральный элементъ предпочитается матеріальному. Въ силу этого, большинство принимаетъ тактическія и даже уставныя правила не какъ обязательныя правила, а какъ совѣты, не могущіе быть принятыми на каждый случай. Что же касается до Леваля, то онъ пытается, путемъ разбора значительнаго числа фактовъ и разнообразной обстановки, если не дать рѣшеніе и правило на *каждый* частный случай, то, по крайней мѣрѣ, снабдить изучающаго цѣлымъ арсеналомъ рѣшеній, приготовить его мышленіе къ ихъ примѣненію и тѣмъ замѣнить *вдохновеніе знаніемъ*. Высказываемыя французскимъ авторомъ въ его предисловіи къ «Поло-
Т. СХХVI, Отд. II.

жительной тактикѣ» мысли на столько оригинальны, что мы прослѣдимъ ихъ шагъ за шагомъ.

Въ главѣ «Существо и цѣль обученія» Леваль замѣчаетъ, что хотя необходимость высшаго образованія и признана большинствомъ офицеровъ, но до сихъ поръ нѣтъ единомыслія по вопросамъ о характерѣ, цѣли и самой формѣ обученія. Будучи сторонникомъ положительнаго знанія, онъ даже отвергаетъ значеніе стратегіи какъ науки. Последнюю онъ называетъ ученіемъ о комбинированіи фактовъ, тогда какъ на долю тактики оставляетъ примѣненіе фактовъ или положеній къ даннымъ обстоятельствамъ.

Различные народы, говоритъ онъ, предпочитали тотъ или другой методъ и какъ слѣдствіе того у однихъ мы встрѣчаемъ преобладаніе стратегическихъ соображеній, у другихъ тактическихъ. По его словамъ, у грековъ, македонянъ и римлянъ преобладаютъ тактическія задачи, и Александръ Великій для военной операціи употребляетъ простое вторженіе; тогда какъ полководецъ варягенянъ Аннибалъ своими успѣхами обязанъ стратегическимъ соображеніямъ; Цезарь хотя и вноситъ въ операціи стратегическіе приемы, но своими успѣхами болѣе всего обязанъ тактическимъ дѣйствіямъ.

Галламъ, продолжаетъ авторъ, нравились дальнія экспедиціи, имѣющія неопредѣленный характеръ. У франковъ, а затѣмъ у французовъ проявляется таже склонность, вслѣдствіе чего неопредѣленные экспедиціи Карла VIII, Людовика XII и Франциска I кончаются пораженіемъ, лишь только они сталкиваются съ хорошо обученными войсками.

Густавъ-Адольфъ своими успѣхами болѣе всего обязанъ введенной имъ же новой тактикѣ; напротивъ, у французовъ, въ царствованіе Людовика XIV господствуетъ стратегія, причемъ войска много маневрируютъ, но рѣдко сталкиваются для боя; война получаетъ характеръ методичный.

Фридрихъ Великій ставитъ стратегію на второмъ планѣ и геній его главнѣйшимъ образомъ выказывается въ тактическихъ приемахъ; въ тактикѣ онъ является положительнымъ новаторомъ и, тѣмъ не менѣе, не смотря на попытки сперва Тюрення, затѣмъ маршала саксонскаго и Жильберта, французы отказываются слѣдовать по пути, указанному шведскимъ и прусскимъ полководцами.

Тактика во Франціи, по словамъ Леваля, дѣлаетъ мало успѣховъ и въ войны республики и имперіи; взаимнъ того, стратегія достигаетъ своего апогея; между тѣмъ англичане, благодаря тактическому искусству, одерживаютъ побѣды надъ самимъ Наполеономъ. Въ болѣе позднее время, экспедиція французовъ въ Грецію, война въ Испаніи, Африкѣ,

осада Севастополя, война въ Италіи (1859), равно какъ экспедиціи въ Китай и Мексику, по словамъ автора, представляютъ предпріятія рискованныя, свойственныя французской націи. Въ этихъ войнахъ и экспедиціяхъ отсутствуютъ, какъ и во время крестовыхъ походовъ, и тактика и стратегія; словомъ, военное искусство какъ бы не существуетъ; оно замѣняется частью рутинною, частью же воинственнымъ инстинктомъ, вообще распространеннымъ во французской націи.

Въ это-то время Германія, не принимая участія въ войнѣ, тщательно организуетъ свои войска и совершенствуетъ тактику. Опредивши Францію въ этомъ отношеніи, она одерживаетъ громадныя успѣхи.

Кампаніи 1866 и 1870 гг. со стороны германцевъ, по словамъ Леваля, не представляютъ стратегическихъ задачъ. Здѣсь прямо идутъ къ цѣли, ища боя и давая битвы, какъ только представляется къ тому случай.

Въ послѣднія три столѣтія, продолжаетъ Леваль, у сѣверныхъ народовъ замѣчается наклонность къ тактикѣ, то есть къ искусству подробностей и къ точнымъ приемамъ; французы же, занявшись этимъ дѣломъ во время реставраціи, стали впоследствии относиться съ презрѣніемъ къ подобной медленной и упорной работѣ. Профессоры и военные писатели не чувствовали себя въ силахъ разрѣшать точныя вопросы; едва ихъ касаясь и разсчитывая высоко поднять свое ученіе, они съ особеннымъ наслажденіемъ вдавались въ область абстрактнаго, въ фантазію; они придавали слишкомъ большое значеніе стратегіи и давали этой отрасли военныхъ знаній главнѣйшее значеніе въ военномъ дѣлѣ.

«Нельзя не замѣтить, говоритъ Леваль, что стратегическій методъ, будучи весьма хорошимъ, когда его примѣняетъ гений, становится плачевнымъ съ дюжинными полководцами; къ тому же, высшія соображенія составляютъ даръ извѣстныхъ, привилегированныхъ натуръ, тогда какъ наука подробностей (*science des détails*) доступна каждому. Стратегіи лишь касаются, тогда какъ тактика сопровождаетъ военнаго въ продолженіе всей его карьеры».

Стратегія, по словамъ Леваля, неспособна къ улучшеніямъ; она осталась такою же, какъ и въ первые періоды военнаго искусства. Соображенія Наполеона были не выше соображеній Аннибала, и движеніе карагеянъ чрезъ Пиренеи, Рону и чрезъ Альпы, для завоеванія Лациума, безконечно грандіознѣе похода Наполеона изъ Дижона въ Италію въ кампанію 1800 года. Стратегическія операціи Наполеона были послѣдними, и войны настоящаго столѣтія, повторяетъ авторъ, представляютъ намъ отсутствіе стратегіи. Собственно стратагемы, употребляемыя

въ новѣйшее время, суть тѣ же, которыя практиковались Аннибаломъ, Цезаремъ, Фридрихомъ и Наполеономъ съ тою разницею, что онѣ постоянно мельчаютъ. Того требуютъ самый ходъ вещей и прогрессъ культуры. Тайна, необходимая для операціи, требующей извѣстнаго времени, при нынѣшней гласности, желѣзныхъ дорогахъ и телеграфѣхъ, становится невозможною, а слѣдовательно, вслѣдствіе быстрыхъ сообщеній съ театра войны, операціи, подобныя произведеннымъ въ 1800 и 1805 году, становятся невозможными.

Проведеніе желѣзныхъ дорогъ требуетъ того, чтобы съ ними сообразовались, какъ въ отношеніи продовольствія, такъ и концентрированія войскъ, а при этихъ двухъ условіяхъ уже нельзя идти туда, куда вздумается, и изученіемъ желѣзныхъ дорогъ двухъ націй можно легко опредѣлить раіонъ дѣйствій. Самый сборъ арміи производится въ настоящее время быстро, и наканунѣ непріязненныхъ дѣйствій обѣ арміи находятся лицомъ другъ противъ друга, а слѣдовательно теперь нѣтъ мѣста для ученыхъ и сложныхъ походовъ вдали отъ противника, когда, посредствомъ различныхъ комбинацій, стремились утвердиться на извѣстныхъ позиціяхъ или обойти непріятельскія силы, или угрожали операціоннымъ линіямъ. Громадность выставляемыхъ нынѣ армій также препятствуетъ искуснымъ комбинаціямъ прежняго времени. Что въ особенности бросается въ глаза въ теченіе послѣднихъ трехъ войнъ — 1866, 1870 и 1877 годовъ — это стремленіе наступающаго имѣть главными предметами дѣйствій столицы: Вѣну, Парижъ, Константинополь: непріятель идетъ къ нимъ прямо, такъ сказать, ломить, останавливаясь лишь для того, чтобы уничтожить войска, преграждающія путь или оперирующія на флангахъ. Трудно вообразить себѣ что либо болѣе простое, элементарное, и однакожь это было лучшее, что слѣдовало дѣлать. Такимъ образомъ, самыя потребности настоящихъ войнъ умаляютъ значеніе стратегіи.

Совсѣмъ другое видимъ по отношенію къ тактикѣ — наукѣ исполненія и подробностей. Здѣсь прогрессъ возможенъ громадный и во многихъ отношеніяхъ: вооруженіе, организація, матеріальная часть — все это измѣнилось почти совершенно, а послѣднее слово далеко еще не сказано. Прогрессъ, осуществившійся во всѣхъ научныхъ и промышленныхъ отрасляхъ, общаетъ важныя улучшенія въ привладной, исполнительской (executive) части военнаго искусства.

Въ началѣ настоящаго столѣтія Жюмини говорилъ, что область тактики опредѣлена точнымъ образомъ; стратегіи же недостаетъ точности, почему онъ и занимается послѣднею. Этотъ сильный умъ былъ пораженъ малоспособностію генераловъ своей эпохи по отношенію къ

вопросамъ комбинированія войскъ, что и заставило его изложить существенныя основанія стратегіи. Если съ этой точки зрѣнія Жюмини оказалъ услугу, то онъ ошибся въ отношеніи будущаго развитія этихъ двухъ отраслей военнаго искусства, ибо опытъ указываетъ, что стратегія не мѣняется тогда, какъ тактика совершенно преобразуется. Генералъ Клаузевицъ, одинъ изъ наиболѣе положительныхъ германскихъ военныхъ писателей, не считаетъ даже стратегію военною наукою. Онъ основательно доказываетъ, что стратегія подчинена политикѣ и много зависитъ отъ социальнаго положенія двухъ враждующихъ націй. Почти то же говоритъ Шарпгорстъ.

Не настаивая слишкомъ абсолютно, продолжаетъ Леваль, слѣдуетъ однако же согласиться, что значеніе стратегіи постепенно умалилось передъ тактикою. За немногими исключеніями, военная исторія съ самыхъ древнѣйшихъ временъ указываетъ, что улучшенія, сдѣланныя въ тактикѣ, обеспечивали полныя и продолжительныя побѣды. Наиболѣе бросающійся въ глаза примѣръ есть французская императорская эпоха. Наполеонъ съ маленькими арміями, дурно организованными и мало подготовленными въ тактическомъ отношеніи, достигаетъ въ Италіи и Египтѣ въ 1796 и 1800 годахъ блестящихъ успѣховъ; но плоды ихъ быстро уничтожаются. Напротивъ, съ арміею, прекрасно обученною, онъ побѣждаетъ всю Европу. Безспорно, что въ кампанію 1805 года стратегія играла большое значеніе, но въ 1806 году тактика рѣшаетъ судьбу генеральныхъ сраженій. Въ эту послѣднюю кампанію Наполеонъ не успѣваетъ сосредоточить свою армію: происходитъ двойная битва при Іенѣ и Ауерштедтѣ. Стратегія здѣсь не причемъ, все слѣдуетъ приписать доблести войскъ. То же самое мы видимъ и въ послѣдующія войны. Въ концѣ геній Наполеона херветъ при Ватерлоо и уступаетъ англійской тактикѣ, точно такъ Аннибалъ не устоялъ противъ Сципіона, употребившаго впервые при Замѣ колонны. Такъ было и во всѣ времена: успѣхи Густава Адольфа и Фридриха, какъ сказано, происходятъ изъ той же причины; Австрія и Франція побѣждены превосходствомъ въ организаціи и обученіи германскихъ войскъ. Наконецъ, въ послѣднюю восточную войну всѣ результаты слѣдуетъ приписать тактическому превосходству войскъ, и стратегія не имѣетъ права требовать своей доли въ достигнутыхъ успѣхахъ.

Изъ военной исторіи послѣднихъ четырехъ столѣтій можно вывести то формальное заключеніе, что весь прогрессъ военнаго дѣла лежитъ въ техническихъ знаніяхъ. Выраженіе *outillage* заключаетъ въ себѣ все: организацію, мобилизацію, приготовленіе къ войнѣ, матеріаль-

ную сторону, заготовленіе продовольствія, вооруженіе и, главнѣе всего, тактическое обученіе. Это на столько вѣрно, что нынѣ во всѣхъ странахъ ревниво слѣдятъ за тактическимъ обученіемъ и стремятся изъ него вывести новые приемы, лучшіе методы боя; напротивъ, никто нынѣ не занимается изслѣдованіемъ стратегическихъ комбинацій. Въ этихъ условіяхъ изученіе стратегіи, дѣйствительно, ставится безцѣльнымъ: примѣры наполеоновской школы не могутъ болѣе имѣть мѣста, а новыя войны въ этомъ отношеніи не представляютъ ничего поучительнаго.

Сверхъ того, эта отрасль военнаго искусства мало улучшается и не представляетъ большаго интереса; притомъ, не трудно простымъ чтеніемъ усвоить себѣ главнѣйшія ея положенія. Пожалуй, можно повторить слова Наполеона, что изученіе военной исторіи есть лучшее средство къ познанію стратегіи. Такимъ образомъ, приходится обратиться къ тактикѣ, которая и составляетъ преобладающую, существенную часть военнаго искусства. Къ ней и слѣдуетъ направить всѣ усилія, и начать отыскивать рѣшенія: составляетъ ли она высшее военное ученіе? Достаточно утвердиться въ мысли, что тактика есть знаніе необходимое, т. е. такое, безъ котораго нельзя обойтись.

Въ слѣдующей главѣ «Характеръ тактики» Леваль говоритъ: «Во всѣ времена, со дня возникновенія войнъ, много говорено о тактикѣ, много книгъ исписано, но, не смотря на то, умъ не былъ ни удовлетворенъ, ни убѣжденъ, потому что, читая курсы и книги, нельзя было придти къ точному заключенію, что происходитъ отъ неопредѣленности самаго выраженія и что отъ запутанности ученія.

Тактика, продолжаетъ Леваль, есть понятіе общее, выражающее, на основаніи корня слова, распоряженіе, диспозицію. Взятое отдѣльно, слово тактика имѣетъ значеніе искусства выполненія, по отношенію къ стратегіи, которая есть искусство комбинированія. Привыкли говорить: тактика общая или прикладная, тактика трехъ родовъ оружія, высшая или элементарная тактика; между тѣмъ, слова эти не отвѣчаютъ точной и опредѣленной идеѣ. Говоря послѣдовательно и принимая во вниманіе положеніе людей или предметовъ, затрогиваемыхъ этою наукою, слѣдовало бы выражаться такимъ образомъ: тактика мобилизаціи, тактика боя, походныхъ движеній, заготовленій, развѣдываній, тактика осадъ и т. д., на томъ основаніи, что и въ обыденной жизни говорится: тактика парламентская, коммерческая, административная, финансовая.

Въ заключеніи этой главы авторъ говоритъ, что положительная

тактика есть тактика единственная, и одна лишь годна для военного чловѣка.

Не лишена остроумія третья глава, въ которой Леваль доказы-
ваетъ, что опытъ недостаточенъ для военного образованія офицера.

Элементарная и почти наивная истина, говорить онъ, что каждый офицеръ обязанъ являться передъ непріятелемъ во всеоружіи знанія своихъ обязанностей и своей професіи, при всѣхъ случайностяхъ войны. Войны революціи и первой имперіи утвердили распространенное мнѣ-
ніе, будто истинная военная школа есть самая война и что офицеры образуются только во время кампаній; прежде утверждали и теперь многіе повторяютъ, что обученіе офицеровъ требуетъ крови.

Разсматривая съ этой точки зрѣнія вопросъ, Леваль говоритъ, что опытъ казался многимъ главнѣйшимъ элементомъ тогда, когда обученіе казалось второстепеннымъ. Авторъ опровергаетъ это мнѣніе и, напоминая извѣстный разговоръ генерала Бюжо о мундѣ маршала Саксонскаго, не помнѣвшаго послѣ тридцати кампаній, Леваль идетъ еще дальше, говоря, что въ дѣйствительности практика войнъ не содержитъ сама въ себѣ никакого опыта. Недостаточно совершить кампанію: слѣдуетъ поразмыслить надъ тѣмъ, что видѣли и совершили. Если здѣсь не примѣнить духъ изученія и продолжительнаго наблюденія, то дѣло окончится простою рутинною. Люди, долго и доблестно воевавшіе, дѣлали громадныя промахи, лишь только имъ давали командованіе самостоятельную часть. Они много говорили о своемъ опытѣ, а на дѣлѣ показывали, что его-то и не имѣли. Они только присутствовали на войнѣ, но не умѣли ее вести. Эти многочисленные примѣры громко говорятъ въ пользу того мнѣнія, что одною практическою дѣятельностью нельзя приобрѣсти знаній, необходимыхъ для командованія на полѣ битвы и на войнѣ. Съ введеніемъ коренныхъ преобразованій въ войскахъ, сказанное, продолжаетъ Леваль, приобрѣтаетъ еще большее значеніе. Практика, вспомошество-
мая наблюденіемъ, могла еще быть достаточною въ прежнее время, съ прежнимъ оружіемъ, съ простыми средствами, съ арміями малочисленными, фронтами узкими и густыми боевыми порядками. Прежде отъ офицера требовались природныя качества: увлеченіе, послушаніе, храбрость. Нынѣ приемы болѣе тонкіе и сложные во многомъ увеличили трудность офицерскаго званія. Ему недостаточно увлечь своихъ солдатъ; онъ долженъ ихъ искусно направить, почему офицеръ теперь имѣетъ далеко большую нужду въ военныхъ знаніяхъ, чѣмъ то было прежде.

Когда войны были продолжительныя, съ малыми перерывами, опытъ, приобрѣтенный въ теченіе одной кампаніи, служилъ для другой, но когда длинныя промежутки мира раздѣляютъ собою кампаніи, являютъ.

ся улучшенія и преобразованія въ оружїи, приемахъ, средствахъ сообщенія и въ самомъ социальномъ строѣ.

Совсѣмъ иное дѣло сказать, что офицеры вслѣдствіе военнаго опыта совершенствуются. Война даетъ дополненіе къ достоинствамъ офицера, ни въ какомъ случаѣ не научая невѣжду. Во всякомъ случаѣ, опытъ, если таковой имѣется, можетъ обнаружиться послѣ войны; но тотъ же опытъ не можетъ существовать при возникновеніи войны, а между тѣмъ въ этотъ періодъ онъ болѣе всего необходимъ.

При существующихъ способахъ мобилизаціи и сосредоточенія боевыхъ силъ, чрезъ двѣ недѣли послѣ объявленія войны, выходя изъ желѣзнодорожнаго вагона уже находишься передъ непріателемъ, съ обязанностью вести бой. Что будутъ дѣлать офицеры? Какой опытъ, какія воспоминанія они могутъ имѣть? Никакихъ, и тѣмъ не менѣе имъ приходится дѣйствовать немедленно и дѣйствовать хорошо, ибо дебютъ, т. е. начало кампаніи, имѣетъ громадное значеніе.

Въ настоящее время войну дѣлаютъ съ офицерами, обученными въ мирное время, почему слѣдуетъ привыкнуть къ этому новому требованію. Приходится начинать кампанію съ офицерами, не имѣющими практики, т. е. совершенно лишенными опыта, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ. Это фактъ неоспоримый, и какъ слѣдствіе того, необходимо въ мирное время обучать офицеровъ, поставивъ ихъ на высоту ихъ миссіи. Какимъ образомъ дать имъ такое положеніе и замѣнить недостающій опытъ?

Говорятъ, что война не изучается по книгамъ. Это и вѣрно, и ложно въ одно и то же время. Книги ничему не научаютъ, если онѣ ограничиваются общими соображеніями, неопредѣленными взглядами, если онѣ влекутъ къ абстрактному, если онѣ занимаются лишь исторической стороною развитія кампаніи; словомъ, если онѣ дѣйствуютъ на одно воображеніе. Напротивъ, книги весьма полезны, если онѣ даютъ точныя указанія относительно каждой военной проблемы, предлагаютъ рѣшенія или формулы, основанныя съ одной стороны на опытѣ, а съ другой на логическихъ заключеніяхъ, которыя можно изъ нихъ вывести.

Военное обученіе состоитъ въ томъ, чтобы воспользоваться урокамъ прошедшаго и подготовить приемы для будущаго; одновременно пользоваться опытнымъ, то есть практическимъ, и рациональнымъ, то есть, теоретическимъ методами и, такимъ образомъ, усвоить положительную тактику, которая утверждаетъ нѣкоторыя положенія, даетъ правила, указываетъ извѣстные, наилучшіе методы, приемы наиболѣе подходящіе, средства наиболѣе простыя, распоряженія наиболѣе на-

ажныя; она точно опредѣляетъ пространства, разстоянія, словомъ, на каждый случай даетъ нормальный типъ и гласитъ офицерамъ: «Пока вы не имѣете личнаго опыта, вотъ какимъ образомъ вы обязаны поступать при различныхъ случайностяхъ».

Въ слѣдующей главѣ, подѣ рубрикой «Нормальные типы составляютъ необходимость», Леваль продолжаетъ развитіе своихъ мыслей о положительной тактикѣ.

Указаніе методовъ, приемовъ и правилъ можетъ быть развито разсужденіями и основываться на историческихъ примѣрахъ; но чтобы разсужденія принесли пользу, слѣдуетъ дать заключеніе въ формѣ нормальнаго типа, боеваго расположенія, боеваго порядка для каждаго изъ трагуемыхъ положеній.

Быть готовымъ ко всякой случайности составляетъ фундаментальный принципъ, потому что это составляетъ необходимость. Офицеръ, въ сферѣ своихъ дѣйствій, обязанъ знать, что слѣдуетъ дѣлать во всѣхъ случаяхъ, и обладать готовымъ рѣшеніемъ, годнымъ къ примѣненію для каждой проблемы. На походѣ, начальникъ части приглашаетъ офицеровъ безпрестанно ставить задачи и искать рѣшенія на каждый частный случай. Подобнаго рода вопросы могутъ встрѣчаться во всякомъ положеніи и каждый изъ нихъ требуетъ отвѣта быстрого, точнаго и практическаго. Если, напримѣръ, кавалерійская часть бросается на линію стрѣльцовъ, можно ли оставить офицера, который начальствуетъ надъ стрѣлками, дѣйствовать по своему усмотрѣнію? Оставимъ ли мы его безъ уставнаго правила на этотъ случай, безъ совѣта, его, не участвовавшаго никогда на войнѣ?

Нужно представлять себѣ различныя гипотезы маршей, боевъ, приваловъ, сторожевой службы и т. д. и затѣмъ требовать отвѣтовъ на эти гипотезы.

«Большая часть прежнихъ авторовъ, продолжаетъ Леваль, ограничивались фразами, обобщеніями, банальностями. Они представляли въ оправданіе, что здравый разумъ даетъ ключъ къ разрѣшенію различныхъ недоразумѣній. Они держались въ заоблачныхъ сферахъ, отдѣлялись общими фразами, уклоняясь отъ рѣшенія на данный случай, а оно-то и существенно. Подобныя неопредѣленныя соображенія не могутъ привести офицера къ тому, что именно ему необходимо. Офицеру говорятъ о зависимости отъ множества случайностей, но не опредѣляютъ рѣшенія точнымъ образомъ».

«Многіе были того убѣжденія, продолжаетъ авторъ, что всякая доктрина излишня и въ видѣ рѣшенія военной проблемы указывали на храбрость, вѣрный взглядъ, хладнокровіе, рѣшимость, внезапное

вдохновеніе; по просту сказать, они занимались лишь распутываніемъ а не рѣшеніемъ вопросовъ».

«Вдохновеніе есть ничто иное, какъ примѣненіе къ данному случаю извѣстнаго средства, достоинства и дѣйствіе котораго заранѣе опредѣлены; это—лекарство, примѣняемое въ кризисѣ, но дѣйствіе котораго должно быть вполнѣ извѣстно.

Еще рѣзче авторъ объясняетъ свою мысль слѣдующими словами:

«Хорошая мысль легко представится образованному офицеру; но она никогда не явится тому, у кого голова пуста. Всегда необходимо быть готовымъ стать лицомъ къ лицу съ событіями. Нельзя ждать послѣдняго часа и колебаться въ рѣшеніи. При подобномъ моральномъ состояніи, является сомнѣніе и умъ волнуется. Когда есть нѣсколько способовъ рѣшенія, представляется вопросъ: который изъ способовъ избрать? Нѣтъ ли еще другихъ рѣшеній, о которыхъ не подумали? Избравши одно рѣшеніе, увѣрены ли, что оно есть вѣрнѣйшее. Приходится выжидать рѣшенія; колебаніе охватываетъ офицера. Чѣмъ болѣе онъ ищетъ, тѣмъ болѣе является недоумѣній, а время идетъ и съ нимъ вмѣстѣ приближается опасность. Рѣшеніе становится необходимымъ; обстоятельства того требуютъ; но рѣшаются поздно, дѣлаютъ какъ нибудь, и слѣдовательно дѣлаютъ дурно».

«Совсѣмъ другое положеніе офицера, хорошо подготовленнаго. Утвердившись заранѣе въ достоинствахъ приемовъ, употребляемыхъ въ каждомъ случаѣ, подобный офицеръ никогда не будетъ застигнутъ врасплохъ, потому что онъ всегда вооруженъ, готовъ на всякую случайность и рѣшается немедленно. Онъ дѣйствуетъ рѣшительно, ибо увѣренъ, что можетъ дѣйствовать хорошо и употребить вѣрные приемы. Еще болѣе: онъ убѣжденъ, что принятое имъ рѣшеніе наилучшее и что для выбора не имѣется другаго и, полный довѣрія къ себѣ, онъ дѣйствуетъ энергически».

Знаніе приемовъ, способовъ дѣйствій, точныхъ построеній составляетъ поддержку характера, источникъ скорости въ рѣшеніи и исполненіи; оно въ самомъ себѣ носитъ элементъ успѣха.

«Нормальные типы служатъ также къ ограниченію ответственности подчиненнаго, а это уже огромное преимущество (?). На войнѣ обыкновенно даютъ приказанія короткія, въ бою инструкціи бываютъ рѣдкимъ исключеніемъ, ибо на нихъ недостаетъ времени. Вотъ почему офицеры обязаны заранѣе знать, что именно слѣдуетъ дѣлать во время боя, на походѣ, на бивакѣ, на аванпостахъ и т. п. и дѣйствовать такимъ образомъ, чтобы, по полученіи приказанія, какъ бы оно ни было вратко, получившій его исполнялъ безъ замедленія, при наи-

лучшихъ условіяхъ, ничего не забывая; точно такъ же, какъ исполнилъ бы построеніе на ротномъ или баталіонномъ ученіи».

Исполняя какъ нибудь, подчиненный не можетъ быть увѣренъ въ томъ, что онъ вѣрно исполнилъ намѣреніе своего начальника. Отсюда самыя печальныя недоразумѣнія, вслѣдствіе чего необходимо подчиненнаго вывести изъ этого деликатнаго и труднаго положенія, поставивъ его наоборотъ въ такое положеніе, чтобы онъ всегда точно зналъ, что именно отъ него требуется.

Въ свою очередь, и начальникъ заинтересованъ въ существованіи точныхъ пріемовъ.

Онъ не можетъ быть всюду, и какимъ образомъ онъ будетъ заключать объ исполненіи своихъ соображеній, если онъ не знаетъ, какъ будутъ дѣйствовать подчиненные, если каждый будетъ дѣйствовать по своей фантазіи.

Необходимость правилъ и распоряженій увеличивается тѣмъ болѣе, чѣмъ болѣе уменьшается связь между людьми. Разсыпной строй, къ которому заставляетъ прибѣгать сила огня, представляетъ по самой своей растяжимости неудобство, могущее быть исправленнымъ лишь методомъ, тщательно примѣненнымъ. Иначе все, или почти все выскользнетъ изъ рукъ начальника. Слѣдовательно, положительная тактика (то есть такая, которая даетъ рѣшеніе на каждый случай) есть единственное средство, чтобы сохранить за начальникомъ части управленіе случайностями боя. Наконецъ, не слѣдуетъ думать, чтобы импровизація, принимая ее возможною, привела бы къ правильному выполненію. Колеса дѣйствуютъ хорошо, если они приучены дѣйствовать по опредѣленнымъ формамъ. Война нынѣ болѣе тонкая, чѣмъ прежде, и требуетъ болѣе способности отъ начальника въ отданіи приказаній и умѣлаго исполненія отъ подчиненныхъ. Каждый обязанъ фундаментально знать свою роль и часто ее повторять.

Въ заключеніи этой главы Леваль говорить:

«Инициатива есть дѣло желательное и прекрасное; но, неограниченная въ своихъ рамкахъ, она становится вредною, уничтожая однимъ ударомъ субординацію. Каждый, въ какомъ бы онъ ни былъ чинѣ, всегда имѣетъ двѣ роли: онъ повинуется высшему и командуетъ своими подчиненными. Въ первомъ случаѣ онъ умѣряется субординаціею; во второмъ онъ дѣйствуетъ по инициативѣ. Хорошіе результаты получаются лишь при согласованіи обоихъ актовъ, которые выполняются одновременно. Это согласованіе понятно при методахъ извѣстныхъ, принципахъ общихъ, какъ при употребленіи выраженій, имѣющихъ для всего одинаковое значеніе».

Въ пятой главѣ Леваль говоритъ, что уставныя формы, нормальныя типы (*les types posaux*) не могутъ быть помѣхою для способнаго начальника.

«Правила, типы (уставныя формы), точныя приемы нисколько не парализуютъ генія, какъ это привыкли повторять, или, проще говоря, нисколько не стѣсняютъ способнаго офицера. Если было бы такъ, то это доказывало бы только, что эти правила и уставныя построения не годятся и требуютъ замѣны другими, лучшими.

«Напротивъ, очевидно, что эти типы, признанные наилучшими и точнѣйшими, содержатъ въ себѣ цѣлый арсеналъ средствъ совершенно готовыхъ, данныхъ въ распоряженіе офицера и которыхъ непосредственное принятіе облегчается по самой опредѣлительности типовъ. Когда полководцы, наиболѣе извѣстные, дѣйствовали съ войсками новыми или малообученными, они встрѣчали громадныя трудности. Напротивъ, когда они въ рукахъ своихъ имѣли элементы, хорошо усвоившіе методъ, привычныя ко всѣмъ требованіямъ войны, всѣ препятствія легко преодолевались и затѣмъ получались блистательныя успѣхи. Это случилось съ Александромъ, Цезаремъ, Густавомъ, Фридрихомъ. Но этого иногда недоставало Наполеону, что и объясняетъ его пораженія послѣ многихъ побѣдъ».

Типы имѣютъ необходимую гибкость, эластичность, чтобы примѣняться сообразно требованіямъ. Образованный офицеръ можетъ и обязанъ отгнѣять уставныя формы, сообразно обстоятельствамъ. Въ этомъ и состоитъ его роль. Однако же роль не можетъ простираться до того, чтобы уничтожить или исказить извѣстный типъ; иначе онъ сдѣлаетъ противное тому, что принято считать хорошимъ. Взаимнъ того, ему дозволяется уклониться отъ извѣстнаго типа, то-есть въ нѣкоторой степени его расширить или сзуть; ему дозволяется внести временныя и частныя измѣненія, когда того требуетъ какой нибудь исключительный случай.

Заканчивая главу о нормальныхъ типахъ, Леваль говоритъ: «Изъ этого видно, что нормальный типъ, какъ типъ отправленія, необходимъ и для образованнаго офицера; но онъ драгоцѣненъ, если дѣло идетъ объ офицерѣ, не имѣющемъ инициативы. Такихъ опасно оставлять ихъ собственному соображенію и отдавать на жертву нерѣшительности, доставлять имъ случай сдѣлать промахъ. Если офицеръ неясно оцѣниваетъ положеніе, если онъ затрудняется въ томъ, что ему предпринять, онъ употребляетъ нормальный типъ. Это не будетъ лучшимъ, что можно бы было сдѣлать, но по крайней мѣрѣ дастъ вѣру, что избѣжали серьезной ошибки—и это уже много.

Въ главѣ шестой Леваль трактуеть о методѣ преподаванія положительной тактики.

«Долго думали, говорить онъ, что высшее образованіе состоитъ въ томъ, чтобы подняться какъ можно выше, и вслѣдствіе такого паренія въ высь теряли подъ собою почву, по которой ходили, теряли поле битвы, на которомъ сражались, и получали въ результатѣ неопредѣленность и пустоту». Курсы, трактаты, статьи въ продолженіе цѣлаго полустолѣтія обнимали собою изученіе въ общихъ чертахъ, обобщенія (les ensembles). Полагали, что унизятся, занимаясь подробностями и давая правила точныя и опредѣленныя. Желая витать въ высшихъ сферахъ, въ облакахъ, не понимали, что подобное обученіе не даетъ практическаго результата.

Дальше авторъ продолжаетъ развивать ту же мысль. «Любили повторять, что на войнѣ нѣтъ правилъ, что все зависитъ отъ вѣрнаго взгляда и энергіи, отъ минутнаго вдохновенія, что слѣдуетъ дѣйствовать сообразно мѣстности и обстоятельствамъ, а слѣдовательно выходило, что можно дѣйствовать какъ хочешь и какъ можешь».

Благодаря этимъ софизмамъ, повторяемымъ столь долго, испортили умъ, привели его къ презрѣнію правилъ, къ ироніи къ методамъ, къ пренебреженію къ работѣ; бросили изученіе военныхъ задачъ... «Если, какъ говорятъ, война есть страшная игра, то не ясно ли, что слѣдуетъ *умно* играть, то есть заручиться наиболѣе благопріятными шансами». Не менѣе несомнѣнно, и всѣ авторы это провозглашаютъ, что для успѣха дѣла необходима инициатива; должно непріятеля заставить дѣлать по своему, а не быть имъ руководимымъ. Но для этого необходимо принять активную, а не пассивную роль; искать боя, а не ожидать его. Отсюда, слѣдовательно, необходимо имѣть усвоенную идею о томъ, что необходимо дѣлать, и выполнить ее до конца, не останавливаясь передъ препятствіями.

Еще древняя философія утвердила могущество воли надъ фактами. Теперь Бюжо замѣчаетъ: не говорите: *я буду дѣйствовать, смотря по времени, обстоятельствамъ, событіямъ*; нѣтъ, слѣдуетъ говорить: *я буду дѣйствовать такъ, не смотря на время, на обстоятельства и на событія*.

Цѣлая пропасть лежитъ между двумя способами дѣйствій, между двумя методами. Первый изъ нихъ принадлежитъ людямъ нерѣшительнымъ, неосторожнымъ, которыя, сами не зная чего они хотятъ, куда они идутъ, отдаются случаю вдохновенія, хорошаго или дурнаго, для того, чтобы разрѣшить данное положеніе. Другой методъ принадлежитъ людямъ разсудительнымъ, рѣшительнымъ, имѣющимъ предвзятую цѣль;

они преслѣдуютъ ее упорно, чтобы достигнуть благоприятнаго исхода. Здѣсь дѣло идетъ не о согласованіи словъ, не о какомъ нибудь недоразумѣніи, а именно о капитальномъ различіи способа дѣйствій.

Способность, храбрость, энергія, взятые отдѣльно, могутъ повести къ промахамъ. Въ отсутствіи долгаго опыта, они должны быть руководимы солиднымъ обученіемъ, полнымъ соглашеніемъ знанія механизма, источниковъ и средствъ. Все это заставляетъ бросить область спекулятивную и рѣшительно пойти по дорогѣ практики. Можно сожалѣть объ утратѣ искусства съ его капризами и случайностями; но неумолимый реализмъ абсолютно требуетъ главнѣйшей роли для науки, а именно для науки точной и положительной. Искусство тогда можетъ быть въ ходу, какъ средство украшенія, въ качествѣ дополненія; но безъ науки одно искусство есть цвѣтокъ безъ плода, теорія безъ результатовъ.

Чтобы противодѣйствовать положительной тактикѣ, нѣкоторые утверждаютъ, что на войнѣ не все матеріально, и что необходимо отвести значительную часть способностямъ и средствамъ умственнымъ, которыя нынѣ именуется факторами моральными. Положительная тактика тщательно пользуется всѣми силами, какой бы онѣ не были природы, и остерегается неглижировать моральными факторами. Только она ставитъ каждую вещь въ надлежащее положеніе и осуждаетъ исключительность, односторонность.

Атака, по словамъ автора, была преимущественнымъ способомъ боя во Франціи. Со введеніемъ улучшеннаго огнестрѣльнаго оружія, нѣкоторые рассчитывали, что огонь замѣнитъ совершенно холодное оружіе — и ошиблись. Оба способа дѣйствій остаются, какъ и прежде, необходимыми, и увлеченіе огнестрѣльнымъ оружіемъ произвело реакцію. Казалось, что огонь представлялъ на войнѣ силу матеріальную, атака же моральную силу. Отсюда явились двѣ школы, изъ которыхъ каждая проводила въ свое оправданіе множество аргументовъ; но связь обоихъ элементовъ слишкомъ тѣсна, чтобы ихъ разъединять: одинъ дополняетъ другой.

«Мы видимъ, что въ теоріи и практикѣ постоянно противопоставляютъ моральный элементъ матеріальнымъ средствамъ, какъ недавно съ большимъ талантомъ трактовалъ генераль Драгомировъ. На войнѣ онъ ставитъ человѣка прежде всего. Онъ даетъ ему обширное поприще, не смотря на убыль отъ снарядовъ, которыми слишкомъ пренебрегаетъ. Свою систему онъ ставитъ подъ защиту великаго Суворова и приходитъ къ тому заключенію, какъ и этотъ полководецъ, что «пуля дура, а штыкъ молодецъ».

«Однакожь времена сильно измѣнились, и поля Сень-Прива могутъ служить тому доказательствомъ. Здѣсь бились люди, настоящіе доблестные люди, составлявшіе прусскую армію въ 1870 г. Въ этихъ людяхъ мы не видимъ недостатка ни въ мужествѣ, ни въ увлеченіи, когда они рѣшились атаковать деревню, занятую менѣе чѣмъ 3,000 французовъ. Въ пять минутъ, если вспомнать, прусская гвардія была на половину уничтожена; боѣе 8,000 вышло съ поля сраженія; остальнымъ пришлось отступить. Штыка нельзя было употребить въ дѣло, а пули страшно достигали своей цѣли».

«Слѣдовательно, человекъ не все на войнѣ, и моральное его достоинство можетъ быть возвышено до своего тахішима при условіи споспѣшествованія матеріальными средствами. Моральныя силы составляютъ лишь одинъ изъ элементовъ; но нельзя ихъ разсматривать, какъ единственный, или первенствующій элементъ. Прежде несовершенство снарядовъ давало большое вліяніе природнымъ качествамъ; теперь примѣнять послѣднія становится дѣломъ весьма труднымъ, въ виду отличнаго оружія, почему и приходится обратиться къ наукѣ тамъ, гдѣ въ прежнее время требовалась одна храбрость.

«Теперь достоинство арміи измѣряется ея воинственнымъ инстинктомъ, военными способностями, техническимъ образованіемъ, затѣмъ ея доктринами и средствами для дѣйствія; непозволительно negliжировать какимъ либо изъ этихъ средствъ, и нужно ихъ полнѣйшее согласованіе.

«Большее развитіе нижнихъ чиновъ и боѣе распространенное обученіе требуютъ отъ офицера далеко большей суммы знаній, и обязанности его становятся далеко труднѣе, чѣмъ въ прежнее время. Знаніемъ хорошихъ методовъ уменьшаютъ усталость въ походныхъ движеніяхъ, уменьшаютъ потери въ сраженіяхъ, предохраняютъ отъ боѣзненности на стоянкахъ и восстанавливаютъ силы надлежащимъ питаніемъ. Все что устраняетъ отъ человека страданіе, все что экономизируетъ человѣческую кровь, все это должно обращать на себя вниманіе офицера и составляетъ главнѣйшій залогъ его моральнаго вліянія на подчиненныхъ.

Безспорно, продолжаетъ Леваль, что приходятъ моменты, когда употребленіе моральныхъ факторовъ будетъ имѣть большую цѣну, какъ въ отношеніи лишеній, чтобы заставитьъ съ ними примириться, такъ равно и въ бою, чтобы поднять людей голосомъ и жестомъ. Но если въ эти высшіе моменты дѣйствующія силы недостаточны (*les effectifs sont minimes*), люди изнурены усталостью или недостаткомъ пищи, имѣютъ мало запасовъ, распоряженія были дурно сдѣланы, — тогда и

примѣръ, и крикъ, и представительство офицера останутся безгласными, ничтожными: голосъ его пропадетъ и мановеніе руки останется безъ послѣдствій.

Другими словами, можно утвердительно сказать, что исполненіе есть ничто иное, какъ развязка драмы, требующая пролога и развитія дѣйствія, веденныхъ съ искусствомъ и предосторожностями, причемъ успѣхъ драмы будетъ зависеть во многихъ отношеніяхъ отъ варянѣ подготовленныхъ мѣръ. Такимъ-то образомъ пришли къ заключенію, что употребленіе моральныхъ факторовъ существенно основывается на отличномъ матеріальномъ подготовленіи. Въ дѣйствительности, всякое примѣненіе силы, какая бы она ни была, необходимо требуетъ точки опоры; когда же таковой не существуетъ, дѣйствіе силы уничтожается. Обученіе состоитъ именно въ приобрѣтеніи точки опоры, годной при всякихъ обстоятельствахъ, и оно можетъ быть только примѣнено къ матеріальнымъ средствамъ. Они одни могутъ дать возможность возбудить моральную силу, и вотъ почему послѣдняя есть сила прибавочная. Моральныя силы составляютъ прекрасное дополненіе, но не могутъ служить базою.

Такимъ образомъ Леваль приходитъ къ убѣжденію, что соображеніямъ, основаннымъ на силахъ умственныхъ, моральныхъ, чувствъ, требуютъ, подобно соображеніямъ, основаннымъ на матеріальныхъ средствахъ, пособія въ положительной тактикѣ.

«Въ началѣ я показалъ—говоритъ авторъ,—какимъ образомъ точныя формы, нормальные типы служатъ пособіемъ характеру, облегчаютъ отвѣтственность подчиненнаго, даютъ спокойствіе начальнику, возбуждаютъ довѣріе всѣхъ, гарантируютъ инициативу и субординацію, утверждаютъ превосходство воли надъ нерѣшительностью.... теперь я кончаю, говоря, что средства матеріальныя, дѣйствія опредѣленные, методы точныя суть единственныя точки опоры въ примѣненіи силъ моральныхъ.

«Весьма ошибаются, стараюсь противопоставить духу матерію, ища вручить главнѣйшую роль тому или другому элементу. Лишь постоянное соединеніе ихъ можетъ повести къ успѣху. Будущее принадлежитъ могуществу доктрины, лучшему методу, дѣйствіямъ наиболѣе улучшеннымъ, истинѣ наиболѣе практической. Теперь же, чтобы достигнуть успѣха, необходимо соединить знаніе и дѣйствіе, содѣлать полезнымъ и человѣка и механизмъ, умѣть употребить моральную силу такъ точно, какъ ремесленный инструментъ; умѣть направить ихъ къ искомой цѣли; не ограничиваться одною частью науки, но объять всю науку и употребить въ дѣло различныя ея средства».

Настоящая война представляетъ большія трудности и примѣненіе так-

тики болѣе сложное и безпредѣльно болѣе опасное. Она требуетъ извѣстныхъ приѣмовъ, основанныхъ на логикѣ и на расчетѣ, а не на фантазіи. Слѣдовательно, тактика есть наука, и къ тому же наука положительная. Еще Фридрихъ говорилъ: *«война есть ремесло для невѣждъ, искусство для людей посредственныхъ и наука для людей высшихъ»*.

Въ слѣдующей главѣ Леваль доказываетъ, что положительныя правила и нормы существовали во всѣ времена. Напоминала греческую фалангу и римскій легіонъ, авторъ добавляетъ, что римляне употребляли нормальные типы на походѣ, бивакѣ, въ бою, какъ въ Италіи, такъ и въ другихъ завоеванныхъ ими странахъ. Дѣйствія ихъ были одинаковы въ самыхъ различныхъ странахъ, при самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ, въ мѣстностяхъ самыхъ разнородныхъ, и эта опредѣленность тактическихъ средствъ не мѣшала имъ выполнить огромныя дѣла; напротивъ, постоянство формъ во многомъ способствовало достиженію результатовъ. Типы, принятые Густавомъ-Адольфомъ и Фридрихомъ, продолжаетъ Леваль, были примѣнены съ настойчивостью, которую нельзя отвергать.

Далѣе онъ говоритъ, что цѣлая серія знаменитыхъ военныхъ людей давала форменныя инструкціи, строевые уставы своимъ войскамъ. «Они стремились опредѣлить нѣкоторыя подробности, нѣкоторыя построенія, извѣстныя дѣйствія и требовали серьезнаго ихъ примѣненія. Всѣ эти гениальные люди эксплуатировали положительную тактику; ту, которая опредѣляетъ, устанавливаетъ и полагаетъ, а на долю воображенія (увлеченія) оставляетъ мало мѣста».

Замѣчательный примѣръ, продолжаетъ авторъ, въ этомъ отношеніи показалъ Фридрихъ Великій. Онъ столько же влилъ ясности въ правила, сколько точности въ исполняемые построенія, причемъ требовалъ настойчиво ихъ примѣненія: *«онъ грозилъ смертною казнью кавалерійскому офицеру, рѣшающемуся атаковать безъ резерва»*. Вотъ истинно положительная тактика, воспеиваетъ Леваль.

Сравнивая французскую и германскую арміи, авторъ говоритъ, что германцы въ основаніе положили мало новаго; но ихъ вниманіе обратилось не къ открытіямъ, а къ примѣненіямъ. Они тщательно искали разсѣяныя правила различныхъ военныхъ авторовъ; они ихъ изучили, звѣсили и вывели практическія послѣдствія. Они стремились получить рѣшеніе, основанное на методѣ и годное для всѣхъ случайностей. Вотъ здѣсь мы, безспорно, имѣемъ дѣло съ положительною наукою!»

Говоря въ слѣдующей главѣ о превосходствѣ малыхъ единицъ, Леваль находитъ, что дѣйствительная, основная часть тактики отнынѣ сосре-

доточивается въ малыхъ единицахъ. Таковъ результатъ нынѣшняго военного дѣла, и важность малыхъ тактическихъ единицъ не можетъ ускользнуть отъ внимательнаго наблюдателя. Въ прежнее время рота не имѣла никакого значенія. Безпрестанно включаемая въ баталіонъ, построенный развернутымъ фронтомъ или въ колонну, подчиняемая лишь голосовому командованію, рота не имѣла собственной роли, не пользовалась инициативою. Теперь же она имѣетъ свое поле дѣйствія, съ раздѣленіемъ на цѣпь, поддержанія и резервы. Еще болѣе сказанное имѣетъ значенія въ отношеніи баталіона.

«Роли капитана и баталіоннаго командира значительно выросли. Обязанные давать направленіе нѣсколькимъ строевымъ единицамъ, снабженные большою суммою инициативы, эти офицеры суть не простые исполнители: они принимаютъ участіе въ общемъ направленіи дѣйствій, слѣдовательно, военное образованіе ихъ должно быть на высотѣ возложенныхъ на нихъ новыхъ обязанностей.

Говоря вскользь о развѣдочной службѣ, падающей нынѣ нерѣдко и на пѣхоту, Леваль останавливаетъ вниманіе на продовольствіи войскъ, въ особенности посредствомъ реквизицій. Здѣсь опять обязанности ротныхъ командировъ, расширились, и чтобы ихъ выполнить какъ слѣдуетъ, необходимы самыя разнообразныя свѣдѣнія. Въ свою очередь, расширилась роль батарейнаго командира, вмѣстѣ съ силою, дальностью и мѣткостью огня; ему также необходима инициатива, а равно знанія положительной тактики.

Значеніе командира эскадрона равномерно увеличилось вслѣдствіе развитія развѣдочной службы. Роль его сдѣлалась болѣе опасною, болѣе сложною и отвѣтственною. Призванный внезапно встрѣчать разныя оружія, избѣгать ихъ ударовъ, исполняя однакожъ данныя порученія, эскадронный командиръ обязанъ основательно знать приемы и средства дѣйствія каждаго изъ оружій.

Въ заключеніи своей статьи, вновь желая уяснить значеніе положительной тактики, какъ науки точной и опредѣленной, а не какъ искусства, Леваль говоритъ: «Дѣйствіе огнестрѣльнаго оружія указываетъ, какимъ образомъ слѣдуетъ размѣстить пѣхоту на полѣ сраженія, какимъ образомъ должно вести кавалерійскую атаку и какъ расположить артилерію. Въ концѣ концовъ все сводится на опредѣленные протяженія и дистанціи построенія, абсолютно точныя; отсюда доктрина научная и положительная».

Въ результатъ, по словамъ Леваля, положительная тактика имѣетъ цѣлью соединить какъ можно болѣе шансовъ для успѣха, хотя она и не имѣетъ претензіи предвидѣть всѣ случайности. Н. Красновъ.